

УДК-327

**«ЯЗЫКОВОЙ РЕЖИМ РАЗЪЕДИНЕНИЯ» И БАЛАНС
В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В БОСНИИ
И ГЕРЦЕГОВИНЕ¹**

Н.В. Борисова²

Проблема обеспечения баланса в межэтнических отношениях и поддержания территориальной целостности в этнических федерациях требует эффективных инструментальных решений. Речь идет не только об институционализации системы представительства / участия групп(ы) в органах публичной власти, но и о преференциальной политике, которая обеспечивает гарантии и предпочтения как для субъекта федерации в целом, так и для отдельных титульных и нетитульных этнических групп внутри него. В ряду разнообразных преференциальных политических курсов находится и языковая преференциальная политика. Исследовательский интерес составляет не только условия ее институционализации и реализации, но и то, как связаны между собой спрос на такую политику и практики использования языка/-ов в сообществе в контексте политико-институционального обеспечения территориальной целостности сложноустроенной политики. Для понимания и объяснения этой связи в статье предлагается использовать понятие «языковой режим». На примере Боснии и Герцеговины показано, что политизация языка тесным образом сопряжена с процессами административно-территориального переустройства и реформатирования политики, а масштаб, комплексность, направленность и характер языковой преференциальной политики, ее институционализация обусловлены не только структурными факторами, но и тем историческим и политическим контекстом, в котором актуализируются требования и принимаются решения по поводу языка, имеющие политико-символическое значение для поддержания баланса в межэтнических отношениях. Выявлено, что языковая преференциальная политика в Боснии и Герцеговине является символическим инструментом поддержания баланса притязаний хорватов, сербов и бошняков на политическую субъектность. Политизация языка в условиях распада и административно-

¹ Исследование выполнено в Пермском государственном национальном исследовательском университете за счет гранта Российского научного фонда: проект №15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» (рук. Панов П.В.).

² Борисова Надежда Владимировна - кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: borisova_nv@psu.ru

© Борисова Н.В., 2017

территориальной сборки политики усиливается символической по своим целям языковой преференциальной политикой, которая формирует «языковой режим разъединения».

Ключевые слова: языковая преференциальная политика; языковой режим разъединения; этническая федерация.

Наличие в обществе требований права использовать родной для этнической группы (меньшинства) язык, как в частной, так и публичной сферах, указывает на то, что язык является предметом политического спора, а значит политизируется. Что позволяет нам говорить о политизации языка, и как мы ее можем обнаружить? Как правило, обсуждение политизации языка сопряжено с изучением языковой политики, которая рассматривается и как причина, и как результат «борьбы за язык». Сведение «борьбы за язык» к борьбе за права меньшинств обуславливает внимание исследователей на вопросе о том, *какой должна быть* языковая политика для обеспечения реализации индивидуальных и/или групповых языковых прав [12; 13; 14; 17; 18; 23; 26; 27; 30; 32; 33]. Вместе с тем «борьбу за язык» можно рассматривать и как борьбу за сохранение территориальной целостности политики. Комплексное изучение проблем обеспечения территориальной целостности государства и способов разрешения этнополитических конфликтов, которые в лингвистически фрагментированных и институционально сложноустроенных политиках обусловлены публично-правовым статусом языка и позитивным или негативным его [статуса] восприятием, позволяет «примирить» эти два подхода.

В этнических федерациях, как сложноустроенных политиках, комплексная проблема национального строительства, конструирования гражданской идентичности и поддержания территориальной целостности является жизненно важной и требует постоянной политико-институциональной настройки и эффективных инструментальных решений. Речь идет как об институционализации системы представительства/ участия групп(ы) в органах публичной власти, так и о принятии специальных решений в отношении обеспечения особых прав групп(ы) – преференциальных политиках (*preferential policy*). Преференциальная политика может обеспечивать гарантии и предпочтения как для региона в целом, так и для отдельных титульных и нетитульных этнических групп внутри него. Объектом преференциальной политики выступает широкий набор вопросов, центральное и нередко символическое место среди которых занимают преференции, связанные с такими базовыми основаниями выделения и спецификации региона, как этничность, язык, религия. В ряду разнообразных преференциальных политических курсов находится и языковая преференциальная политика. При этом важным оказывается не только то, как и в каких условиях формулируется и реализуется языковая

преференциальная политика, но и то, как связаны между собой спрос на такую политику и практики использования языка/-ов в сообществе в контексте политико-институционального обеспечения территориальной целостности сложноустроенной политики. Для понимания и объяснения этой связи предлагается использовать понятие «языковой режим».

Понятие «языковой режим» широко распространено в политическом лексиконе. Как правило, его применение сопряжено с описанием системы правил и норм, регулирующих использование языка в сообществе. Так, программные документы Европейского союза используют этот термин для описания правил использования языков стран ЕС в официальном документообороте и делопроизводстве [20]. В исследовательской политологической литературе понятие «языковой режим», как правило, используется для описания правил, регулирующих распространение и использование языка в сообществе. Л. Кардинал предлагает определять «языковой режим», учитывая политический контекст его формирования [15, 4]. Совместно с С. Зоннтаг [16] она сводит воедино государственную политику и языковые практики. Однако, определяя языковой режим, они акцентируют внимание, по большей части, на языковой политике, считая её его [режима] элементом. В частности, исследователи, работающие в рамках подхода, предложенного Л. Кардинал и С. Зоннтаг, нередко используют в качестве синонимических понятия «*language regime*» и «*language policy regime*» [19], что методологически представляется некорректным. Если мы понимаем режим как порядок, то очевидно, что политика (как целенаправленное действие), влияет на его формирование и/или изменение, функционирование, а значит не может быть его частью.

Следует признать, что языковой режим не может не существовать. Сам по себе он является социальным порядком, когда общество существует и воспроизводится в условиях рутинизированных, привычных и неоспариваемых правил / практик использования языка. Но как только возникает спор вокруг статуса языка, актуализируется «борьба за язык», привычный порядок нарушается, и языковой режим становится частью политических взаимодействий и борьбы за власть. Иными словами, возникает ситуация, когда появляется кто-то или возникает что-то, и это требует [обусловливает] пересмотр существующего порядка и формирование нового специального, т.е. основанного на предпочтениях языкового режима. Именно в этом и проявляется роль феномена «политизации языка».

Языковая преференциальная политика в ряду иных факторов и условий может формировать два типа языкового режима: «режим объединения» (*pooling regime*) и «режим разделения» (*parting regime*) [17]. «Языковой режим объединения» имманентно связан с ситуацией функционального би(мульти)лингвизма, при которой интегрирующую для сообщества роль выполняет сильный и активно используемый *lingua franca*. «Языковой

режим разъединения», в свою очередь, допускает воспроизводство лингвистической гетерогенности общества в формате территориально обособленных этноязыковых сообществ (ситуация территориально сегрегированных монолингвизмов), члены которых крайне слабо используют язык общенационального общения на основных аренах общественного и межличностного взаимодействия. Тип языкового режима может быть обусловлен, во-первых, *конфигурацией* факторов и условий, под влиянием которых реализуется языковая преференциальная политика; во-вторых, наличием наряду с языком иных маркеров этнорегиональной идентичности, выступающих в качестве ресурса артикуляции требования региональной автономии, и, в-третьих, соотношением символического или прагматического спроса в сообществе на миноритарный язык(и).

В статье на примере Боснии и Герцеговины показано, как политизация языка тесным образом сопряжена с процессами административно-территориального переустройства и реформатирования политики, а масштаб, комплексность, направленность и характер языковой преференциальной политики, ее институционализация обусловлены не только структурными факторами, но и тем историческим и политическим контекстом, в котором актуализируются требования и принимаются решения по поводу языка, имеющие политико-символическое значение для поддержания баланса в межэтнических отношениях.

Балканский мир отличается религиозной и лингвистической гетерогенностью, которая сложилась в результате исторического развития региона. Населяемые славянскими народами территории Балканского полуострова в середине – второй половине XV в. стали частью Османской империи, а с XVII в. оказались в сфере геополитических интересов Австрии. Таким образом, вплоть до второй половины XIX в. регион находился в зоне споров между Османской и Австрийской империями. Уже после I мировой войны было образовано Королевство сербов, хорватов и словенцев, которое в 1929 г. было переименовано в Королевство Югославия. Центральную роль в новом королевстве играла Сербия. Историки отмечают, что Королевство Югославия было создано и имело внутреннее административно-территориальное устройство без учета исторических и этнических границ [11, 187]. В годы II мировой войны территории Королевства были оккупированы немецкими войсками и их союзниками. После освобождения Югославии в 1945 г. была провозглашена Федеративная народная республика Югославия (ФНРЮ), которая в 1963 г. была переименована в Советскую федеративную республику Югославию (СФРЮ).

Известный российский балканист Ю. Гуськова отмечает, что «в Социалистической Югославии строительству федеративных отношений всегда уделялось большое внимание. <...> Согласно первой Конституции ФНРЮ (1946), субъектами союза становились республики как содружества прожи-

вающих на их территориях народов и национальных меньшинств» [1, 10–11]. В соответствии с Конституцией 1946 г., СФРЮ была федерацией, состоявшей из 6 республик (Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия и Черногория) и 2 автономных краев (Воеводина Косово в составе Сербии).

Э. Ян пишет, что «Босния и Герцеговина стала одной из шести национальных республик, что ослабило значение Сербии в СФРЮ» [11, 187]. Решение о федеративном устройстве советской Югославии стало своего рода эквилибрумом: была коммунистическая партия и были республиканские [региональные] власти, которые «спрятали свой национализм»¹. Были приняты такие политико-институциональные решения, которые нейтрализовали великосербский национализм и политико-административно ослабляли Сербию как условно центральный энтитет в составе СФРЮ. Речь идет о конструировании ее как сложноустроенного энтитета: «на основаниях исторического и регионального толка в составе Сербии были выделены сначала Автономный край Воеводина, а потом Автономная область Косова и Метохии»². В политико-институциональном отношении это означало, что после 1966 г. Югославия стала федерацией с реальной децентрализацией власти, что формально закрепила Конституция 1974 г. В составе СФРЮ было 8 субъектов, которые имели возможность политического представительства в федеральных структурах (6 союзных республик и 2 автономии). «Фактически конституционная позиция Косово или Воеводины были как у Сербии, в состав которой они формально входили»³. Ю. Гуськова считает, что Тито, предоставив республикам большую самостоятельность, способствовал усилению сепаратистских настроений, ставших основной причиной распада СФРЮ в 1991 г. [1] Отказ Милошевича от федеративного устройства сыграл среди прочего роль катализатора распада страны в 1991–1992 гг., который оказался крайне болезненным для пост-югославского общества.

Сам по себе распад СФРЮ как таковой не был обусловлен требованиями признания языка. Дело в том, что во времена Тито не только была создана децентрализованная федерация, но и фактически продолжилась заложенная еще во времена Австро-Венгрии реализация государственной политики мультилингвизма и обеспечения витальности языков, носители которых проживали на территории Югославии. Например, после установления контроля над территорией Боснии и Герцеговины началось фактическое переселение на её территории немецкоязычных хорватов-католиков, которые составили костяк новой боснийской бюрократии, осуществлявшей коммуникацию между новообретенной «внутренней колонией» и метрополией. И хотя язы-

¹ Экспертное интервью №2. 9.09.2016. Белград, Сербия. [Архив автора].

² Экспертное интервью №1. 9.09.2016. Белград, Сербия. [Архив автора].

³ Экспертное интервью №2. 9.09.2016. Белград, Сербия. [Архив автора].

ком коммуникации выступал немецкий, Вена, в отличие от Будапешта, проводившего в 1830–1840-е гг. и в конце XIX–начале XX вв. политику мадьяризации, поддерживала этнические миноритарные языки. Именно при её поддержке в территориях с компактным проживанием словаков, сербов, хорватов, венгров, украинцев и др. открывались и субсидировались школы; не происходило отказа от религиозного разнообразия.

Еще в середине XIX в. на Балканах состоялись знаковые с точки зрения вызревания условий для формирований национальных государств споры и дискуссии о возможной общей основе для национального литературного языка. В 1850 г. сербские и хорватские филологи подписали так называемое Венское литературное соглашение (*Većki književni dogovor*). В соглашении они писали «наш общий язык». А в 1921 г. в Конституции Королевства сербов, хорватов и словенцев, а также в Конституции Югославии 1931 г. было указано, что государственным языком является «сербскохорватскословенский язык» [6, 25–26, 28].

Во времена Тито фактическим глоттономом для языка, на котором говорили сербы, хорваты и бошняки (муслимане), был «югославский». В отношении иных языков в коммунистической Югославии реализовывалась экстрапозитивная преференциальная политика. Респонденты в интервью указывают, что в титовское время у них была возможность обучаться на родном языке (венгерском, словацком, болгарском и др.)¹. Или, например, косовская система образования была тесно связана с албанской школьной системой, что способствовало «албанизации» края и росту националистических настроений. Е. Гуськова пишет, что в школах и университетах Косова преподавали учителя и профессора из Албании, которые как предоставляли косоварским коллегам возможности стажироваться в своих образовательных учреждениях, так и оказывали им методическую поддержку («занятия велись по албанским учебникам, а государственные программы СФРЮ игнорировались»)» [1, 11]. Столь масштабные преференции, которые имели косовары, были обусловлены, в том числе, позицией Тито в отношении Сербии, о которой упоминалось выше. Однако именно распад СФРЮ и борьба за новое территориально-административное устройство и политическое самоопределение его бывших субъектов в ряде случаев политизировал язык. Наиболее ярким из них является пример Боснии и Герцеговины.

Суверенное Государство БиГ в своих современных территориальных границах возникло как одна из республик СФРЮ, однако будучи организованной не по этническому, а по территориальному принципу, её выделение в составе СФРЮ не учитывало этнолингвистические и этнорелигиозные особенности БиГ. Босния и Герцеговина на момент распада СФРЮ была самой

¹ Серия экспертных интервью, 8-14.09.2016. Белград, Бая Лука, Сараево, Нови Сад, Бачка Петровац. [Архив автора].

фрагментированной в этническом отношении в его составе республикой [7; 11, 181]. Согласно переписи 1991 г. на территории БиГ проживали представители нескольких этнических групп, среди которых доминировали: бошняки – 43,7, сербы – 31,4, хорваты – 17,3 %. Эти три этнические группы отличаются, в том числе, и по религиозным основаниям. Преобладающие в Боснии и Герцеговине религии: ислам, православие, католицизм. Религиозная принадлежность коррелирует с этничностью: сербы исповедуют преимущественно православие, хорваты – католицизм, а бошняки – ислам. Исследователи отмечают, что именно религиозная принадлежность является ключевой в матрице этнической идентификации жителей Боснии и Герцеговины [22, 16].

Бошняки – это южно-славянская этническая группа мусульманского вероисповедания. Этноним *«боснийские мусульмане»* одновременно указывал как на этничность, так и на религиозную принадлежность. В связи с этим, «закрепилось орфографическое различие: название представителя соответствующей народности писалось с заглавным М (Musliman), а название представителя соответствующей религии – со строчным m (musliman)» [9, 11]. Тошович отмечает, что «кроме названия бошняк (Bošnjak) встречается обозначение босниец (Bosanac), которое выражает принадлежность к Боснии и Герцеговине как к территории» [9, 12]. В русскоязычной литературе нередко используют и этноним «боснийцы (муслиманы)», и «бошняки» как взаимозаменяемые.

В период с 1948 г. по 1991 г. самый большой рост в этнической структуре населения БиГ в составе СФРЮ был характерен для бошняков (боснийцев/муслиман) (см. рис. 1). Здесь следует сделать одну оговорку. В соответствии с номенклатурой народов и народностей (этнических групп), принятой в СФРЮ, к группе бошняков относились и те, кто называл себя боснийцами, и те, кто – муслиманами. При этом, в этнической структуре по номенклатуре переписи отдельно выделяли тех, кто относил себя к группе «югославы». Выделение такой группы, вкуче с использованием в качестве официального глоттонима «югославский», свидетельствует о том, что во времена Б. Тито политика федеративного строительства включала меры по «сборке нации», которые, правда, в перспективе оказались бездейственными.

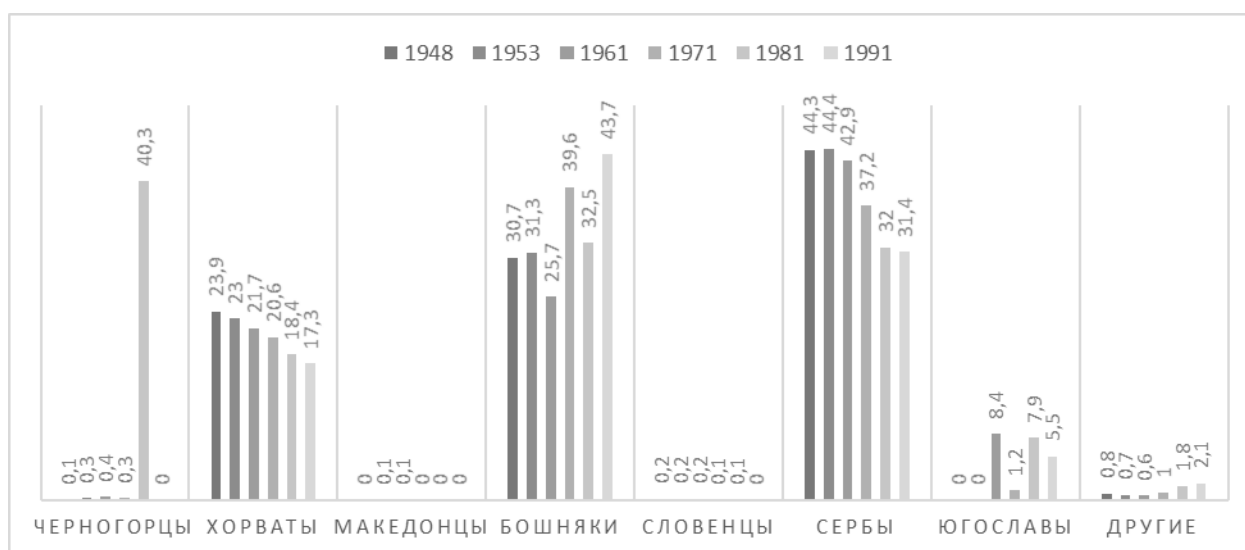

Рис. 1. Этническая структура БиГ по данным переписей 1948, 1953, 1961, 1971, 1981, 1991 гг., %

Источник: Spasovski M., Živković D., Stepić M. The Ethnic Structure of the Population in Bosnia and Herzegovina // The Serbian Questions in The Balkans. Belgrade: University of Belgrade, Faculty of Geography, 1995.

Появление в ходе распада Югославии на политической карте Европы новых государств по-разному оценивалось ведущими европейскими державами и ЕС. В частности, если сам распад СФРЮ и независимость Хорватии и Словении ЕС признало (Маастрихтский саммит ЕС в декабре 1992 г.), то фактический развал Боснии и Герцеговины¹ – нет. На фоне такой позиции ЕС в середине 1992 г. в Боснии и Герцеговине резко обострились межэтнические противоречия, вылившиеся в кровопролитную Боснийскую войну (1992–1995 гг.), в которой погибло по разным оценкам порядка 100 тыс. чел.; около полутора миллионов стали беженцами, причем в основном – католики и православные (хорваты и сербы, соответственно).

По данным CIA World Factbook в 2016 г. в БиГ бошняки составляли 50,1, сербы – 30,8% хорваты – 15,4, другие – 1%. Эти данные в сравнении с последней «югославской» переписью 1991 г. свидетельствуют о том, что рост группы «бошняки» продолжился и после Боснийской войны (см. рис. 2).

¹ В октябре 1991 г. депутаты-хорваты и депутаты-бошняки парламента Боснии и Герцеговины приняли меморандум о суверенитете республики, а в ноябре того же года боснийские сербы инициировали и провели референдум по вопросу о создании совместно с Сербией (которая для них является kin-state) нового югославского государства. Большинство участвовавших в референдуме высказались «за». На основании решения референдума 9 января 1992 г. была провозглашена Республика Сербская Боснии и Герцеговины, а 3 июля 1992 г. боснийскими хорватами было провозглашено хорватское государство Герцег-Босния (для последних, соответственно, kin-state – Хорватия).

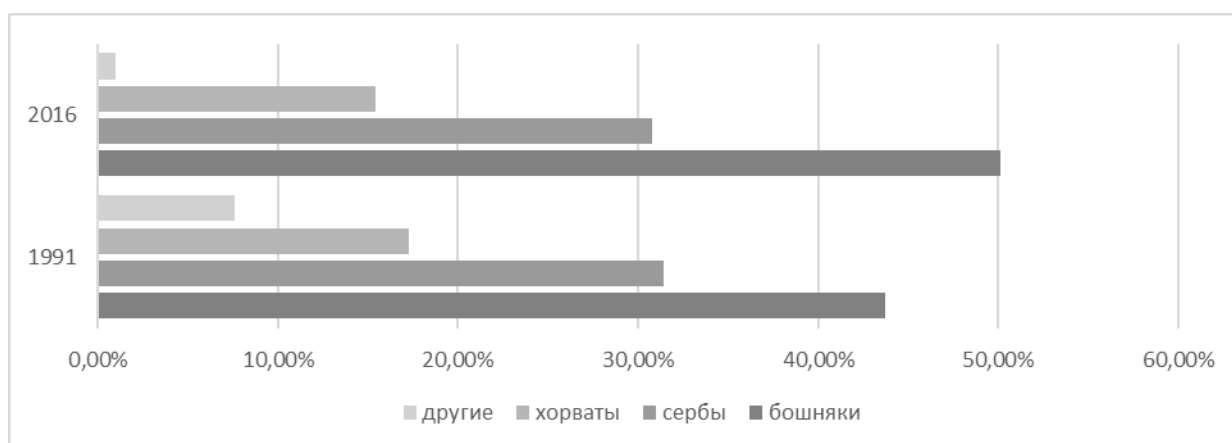

Рис. 2. Изменения в этнической структуре населения БиГ, 1991/2016 гг.

Источник: Spasovski M., Živković D., Stepić M. The Ethnic Structure of the Population in Bosnia and Herzegovina // The Serbian Questions in The Balkans. Belgrade: University of Belgrade, Faculty of Geography, 1995; World Fact Book: Bosnia and Herzegovina (2016). Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/bk.html> (accessed: 12.06.2017).

При этом рост, хотя и меньший, демонстрируют и сербы, а вот численность хорватов значительно сократилась, преимущественно, за счет не вернувшихся в условиях Боснийской войны беженцев. Уменьшилась за период Боснийской войны, соответственно, доля католиков: многие беженцы-хорваты так и остались в Хорватии.

Разрешение конфликта происходило при активном участии третьих сторон: США, России, Германии, Великобритании, Франции и Италии. 21 ноября 1995 г. в Дейтоне (США) были парафированы, а 14 декабря того же года в Париже были подписаны мирные соглашения по урегулированию боснийского конфликта [21]. Согласно этому документу было провозглашено создание государства с новым названием - Босния и Герцеговина. Мирный договор подписали Босния и Герцеговина, Югославия и Хорватия. Подписание боснийскими сербами и хорватами мирного соглашения означало, что они согласились на компромисс - стать частью БиГ при значимом для них условии - власть нового федерального правительства будет сведена к минимуму.

Дейтонские соглашения формально решали вопрос о разделе (территориальном устройстве) Боснии и Герцеговины, создавали основы её политической и конституционной структуры и закрепили принцип внешнего протектората. В соответствии с Дейтонскими соглашениями была учреждена должность внешнего по отношению к государству *Верховного Представителя*, наделенного значительными полномочиями (ст.5 Дейтонских соглашений) [24]. Верховный представитель обладает высшей властью и имеет единоличное право интерпретации Конституции Боснии и Герцеговины, а также её за-

конов. В дальнейшем, за ним было закреплено право увольнять народных избранников, отменять решения обеих палат парламента, лишать мандатов членов коллективного правительства (Президиума Боснии и Герцеговины), Совет министров в отставку (случаи 1999, 2001, 2005 гг.) и даже глав исполнительной власти энтитетов¹. В конце 1995 г. в стране были размещены миротворцы НАТО, были созданы боснийско-хорватский и сербский энтитеты (Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербская, соответственно).

Территориальное измерение этнической структуры и территориально-административное устройство современной Боснии и Герцеговины коррелируют друг с другом. Территории, в которых компактно и концентрировано проживают сербы, составляют Республику Сербскую (сербы составляют 88% всего её населения), а территории, в структуре населения которых доминируют бошняки и хорваты, образуют Федерацию Боснии и Герцеговины (бошняки в этой части страны составляют 73% всего населения). Отдельно выделен и находится под международным наблюдением миротворческих сил НАТО и СЕС Самоуправляемый Округ Брчко. Округ располагается на северо-востоке страны. Его отличает фрагментированная этническая структура, полностью совпадающая с религиозной: 35 – сербы / православные, 42 – бошняки / мусульмане, 21% – хорваты / католики. Это означает, что общины Брчко этнически и религиозно фракционализированы. При этом фракционализация этих групп (общин) имеет жесткую территориальную привязку, что говорит о пространственной сегрегированности этнорелигиозных групп в Округе (см. рис. 3).

¹ Например, в 1999 г. Верховный представитель сместил с должности президента Республики Сербской Н. Поплашена. В 2001 г. был уволен член Президиума Боснии и Герцеговины А. Елавич (представитель Республики Сербской). В 2005 г. Верховный представитель отстранил от должности члена Президиума Д. Ковича (представитель хорватской общины Федерации Боснии и Герцеговины).

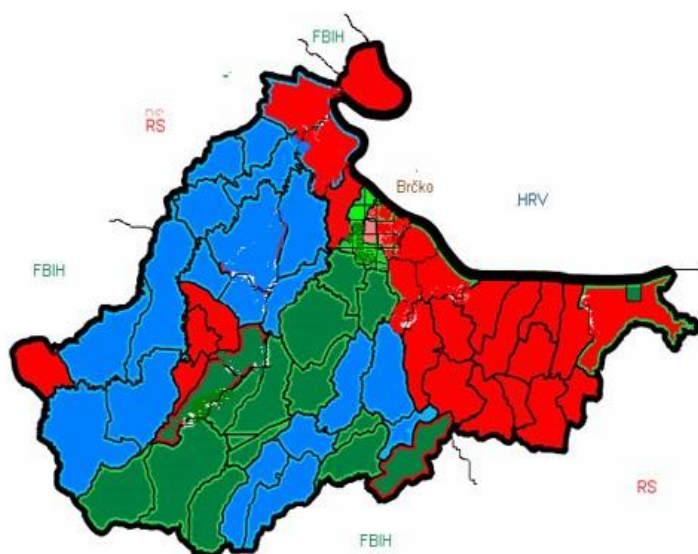

Рис. 3. Пространственная сегрегированность этнорелигиозных групп в Округе Брчко

Источник: Энгельгардт Г. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... д.и.н. по спец. 07.00.03 – всеобщая история (новое и новейшее время). М., 2015. С. 293.

Округ Брчко был образован решением суда в 1999 г. и включает спорные территории. Появление в административно-территориальной структуре Боснии и Герцеговины фактически третьего энтитета было обусловлено стратегической задачей недопущения территориальной консолидации Республики Сербской и Сербии, что привело, с одной стороны, «к территориальному разделению Республики Сербской на две части», а с другой – к фактическому появлению третьего энтитета в составе страны [10, 286]. Округ формально управляется напрямую из центра (Сараево), сформированы номинальные органы МСУ - мэр и окружная ассамблея, однако де-факто является областью международного управления – Верховного Представителя [6].

Высший законодательный орган Боснии и Герцеговины, Парламентская Скупщина, является бикамеральным. Палата народов [верхняя палата] формируется путем косвенных выборов и включает по 5 представителей от каждой государствообразующей этнической группы (общины): 5 сербов от Республики Сербской¹; 5 хорватов и 5 бошняков от Федерации Боснии и Герцеговины². Исследователи пишут, что «фактически, в БиГ имеет место национальный (этнический – *прим. Н. Борисовой*) ценз: чтобы быть избран-

¹ Депутатов-сербов выбирают депутаты Национальной скупщины Республики Сербской.

² Депутатов-хорватов и депутатов-бошняков выдвигают хорватский и бошняцкий кокусы Палаты народов Парламента Федерации Боснии и Герцеговины.

ным, цыган или венгр должен назваться хорватом, сербом или мусульманином» [3, 52–53]. Нижняя палата - Палата представителей (42 депутата) - формируется по пропорциональной избирательной системе посредством всеобщих прямых выборов: для каждой из основных этнических групп определены *исключительно равные квоты*: 14 бошняков и 14 хорватов от Федерации Боснии и Герцеговины, 14 сербов от Республики Сербской).

Высший орган исполнительной власти Боснии и Герцеговины – Президиум, являющийся коллективным президентом, поскольку согласно ст. V Дейтонской Конституции «Президиум Боснии и Герцеговины состоит из трех членов: одного боснийца и одного хорвата, каждый из которых избирается непосредственно от территории Федерации, и одного серба, избираемого непосредственно от территории Республики Сербской. <...> Члены Президиума избираются непосредственно в каждом Энтитете (при этом каждый избиратель голосует для заполнения одного места в Президиуме) в соответствии с законом о выборах, принятым Парламентской ассамблеей» [21]. Председательствующим Президиума становится набравший на выборах наибольшее количество голосов; при этом предусмотрена ротация каждые 8 месяцев.

Конституционный суд Боснии и Герцеговины является коллегиальным органом, состоящим из 9 судей: 4 (2 хорвата и 2 бошняка) избираются нижней палатой парламента Федерации Боснии и Герцеговины, 2 (серба) – парламентом Республики Сербской, 3 члена-небоснийца назначаются председателем Европейского суда по правам человека после консультаций с Президиумом Боснии и Герцеговины. Каждый из энтитетов имеет свой Верховный суд и суды нижестоящих инстанций (в Федерации Боснии и Герцеговины – 10 кантональных судов и муниципальные суды; в Республике Сербской, как энтитете с унитарным устройством, – 5 муниципальных судов).

В соответствии с пунктом 4 ст. V ДК Президиум назначает Председателя Совета министров, которого утверждает Палата представителей парламентской Скупщины. Председатель Совета Министров назначает министров, которых также утверждает Палата представителей. При этом, персональный состав Совета Министров должен быть таковым, что не более 2/3 его членов должны быть представители Федерации Боснии и Герцеговины, а 1/3 – Республики Сербской. Из числа министров назначаются два зама премьера, национальность которых не должна быть той же, что и у него. Таким образом, если премьер-серб, то его замы – хорват и бошняк. Председатель Совета министров обладает правом назначения заместителей министров, которые не должны принадлежать к той же этнической группе, что и министры. Например, министр-бошняк не может иметь в качестве заместителя бошняка, а только – хорвата или серба. Утверждает кандидатуры заместителей министров также нижняя Палата Парламентской Скупщины.

Законодательство Боснии и Герцеговины связывает членов Президиума,

депутатов национальной легислатуры, членов правительства и Конституционного суда с их этнической и территориальной принадлежностью. Случай Боснии и Герцеговины является классическим примером модели power-sharing, предложенной А. Лейпхартом [модели консоциативной демократии], которая предполагает разрешение конфликта в обществах с вертикальных сегментаций групп по этническим признакам через институционализацию переговорного процесса на уровне элит этих групп [2].

Феномен сегментации политико-институционального устройства и пространственной сегрегированности по этническим основаниям проявляется не только на национальном уровне или в округе Брчко, но и в Сараево, пространство которого разделено на мусульманские и немусульманские (хорватские и сербские кварталы). Этнотерриториальная пространственная сегрегированность Сараева или Брчко хорошо проявляется через концентрацию и расположение зданий и сооружений культа. Например, в бошняцких районах Брчко и Сараево расположены преимущественно мечети, мусульманские кладбища, в то время как в сербских и хорватских – христианские погосты, а также православные и католические храмы, соответственно. Или, например, в бошняцких или хорватских кварталах Брчко располагаются отделения почты Федерации Боснии и Герцеговины (её корпоративные цвета совпадают с цветами и энтитета, и самой Боснии и Герцеговины – синий/желтый), а в сербских кварталах – отделения почты Республики Сербской с желто-красным колором.

В политико-символическом отношении пространственная сегрегированность этнических групп хорошо проявляется во время избирательных кампаний, когда улицы заполняют растяжки, билборды, и иные рекламные материалы этнических партий или партий, выступающих на политэтнических позициях, но при этом их избирательные списки имеют этническую привязку. Например, время проведения полевого исследования в Сараево и Бане Луке в сентябре 2016 г. совпало с активной фазой предвыборной агитации за кандидатов в депутаты местных советов. В мусульманских районах боснийской столицы на стенах домов и на растяжках была реклама как умеренных боснийских партий (например, «Партия демократического действия» – SDA), так и этнических (бошняцких) партий («Боснийская партия» – BOSS), в списках которых по округам этого района Сараева были преимущественно бошняки, что хорошо видно, как по их именам (бошняцкие Самир, Хазим, Сеад, в то время как хорватские Барбара, Тони или сербские Мирослав, Мирро, Снежана, Срджан), так и по указанию национальности.

В случае Баня-Луки, столицы Республики Сербской, все партии, которые «присутствовали» в пространстве города, были сербские. Например, такие, как «Сербская демократическая партия», «Партия демократического прогресса» и др. Вся политическая реклама, большая часть уличных указателей в республике Сербской написана кириллическим скриптом, в то время

как на территории Федерации Боснии и Герцеговины используется преимущественно латиница.

Ситуация с языками является одним из маркеров сложившихся конфликтных отношений между этническими группами, образующими энтитеты Боснии и Герцеговины. Официальными языками Боснии и Герцеговины являются бошняцкий, сербский, хорватский. Еще некоторое время назад лингвисты считали эти языками диалектами или этнолектами¹. Современная лингвистическая наука в отношении хорватского и сербского языков термин этнолект не использует, а в случае с бошняцким языком боснийские лингвисты настаивают, что это язык одной из трех государствообразующих этнических групп [9]. В справочной лингвистической литературе чаще всего указывается, что бошняцкий язык - это наддиалектное образование, включающее сербский и хорватский языки с вкраплениями тюркизмов и ориентализмов. Ранее при характеристике лингвистической структуры общества СФРЮ и вплоть до её распада в 1991 г. использовалось сочетание "сербохорватский язык" [4, 59]. В территориях с компактным проживанием сербов использовался глоттоним «сербохорватский», а в территориях преимущественно хорватских – «хорватосербский» [9, 28].

Распад СФРЮ и формирование Боснии и Герцеговины как федерации с сильными (с точки зрения политической автономии) энтитетами обусловили тренд на изменение статуса бошняцкого языка, его политизацию. Бранко Тошович пишет: «Мусульмане Боснии и Герцеговины, которые в 1990-х гг. приняли самоназвание бошняки, в 1992 г. объявили о существовании боснийского языка (*bosanski jezik*), но хорваты и сербы выступили против этого глоттонима, основываясь на том, что язык, который нормируется на мононациональной (бошняцкой) основе, должен получить название по национальному признаку (бошняцкий – *bošnjački*), а не по территориальному (боснийский – *bosanski*), <...> хотя и оно оказывается территориально неполноценным потому, что в нем не упоминается Герцеговина» [9, 28]. Таким образом, для сербов, хорватов, бошняков - граждан Боснии и Герцеговины – хорватский, сербский и бошняцкий языки являются отдельными языками, или, как считает Г. Сзербохорват [31], следуя логике Д. Шкильдждана [31, 61], – это «политические языки», что, как минимум, видно на официальных сайтах органов государственной власти: они все имеют одновременно четыре версии: на бошняцком (латиница), хорватском (латиница), сербском (кириллица и латиница), и английском языках. Само право называть свой язык по этнониму для сербов и хорватов связано с их претензией на сохранение особого статуса и преференций. При том для бошняков важным оказалось установление эт-

¹ Этнолект – это разновидность языка по этнической принадлежности. Этнолект, как правило, не имеет серьезных отличий от литературного языка, но носители этнолекта обычно считают себя иным народом, чем тот, по названию которого назван язык.

нонима и самоидентификация в начале 1990-х гг. как «бошняки», а в случае с глоттонимом бошняки предпочли идентифицироваться территориально (боснийский), настаивая на том, что язык их открыт для всех народов страны.

Одним из результатов Дейтонских соглашений стало формирование сегрегированной системы образования в Боснии и Герцеговине. А. Пашалич-Креско пишет: «На основании Конституции была установлена крайне децентрализованная, асимметричная система образования, которая подорвала единство политики в области образования, единые образовательные цели, ценности, возможность формировать позитивные и патриотические чувства к своей стране и родине» [25]. Так, в Республике Сербской, где была институционализована унитарная система управления, а сербы составляют большинство, была сформирована также централизованная образовательная система. Разработка образовательных стандартов и учебных планов осуществлялась в сотрудничестве с Сербией как kin-state. В Федерации Боснии и Герцеговины была институционализована дуальная сегрегированная образовательная система. 10 кантонов имеют широкие полномочия в области образовательной политики: в пяти бошняцких кантонах обучение ведется на бошняцком языке; в трех хорватских жупаниях – на хорватском, а два смешанных кантона сделали выбор в пользу разделенных школ – «две школы под одной крышей» («two schools under one roof»). Такие школы имеют различные входы для боснийских и хорватских детей; школьный двор разделен на две части.

В Округе Брчко по инициативе Верховного Представителя в первой половине 2000-х гг. была сформирована особая система образования. Г. Энгельгардт отмечает, что целью реформы образования было создание в Округе мультиэтничного общества. Для этого был предпринят ряд мер: постепенная отмена посменного обучения бошняков и сербов в мононациональных классах; введение смешанного преподавательского состава; создание единого окружного департамента. Но изменение учебного плана включало в себя «сочетание общего блока предметов, который дети проходили совместно, и «группы национальных предметов» (родной язык, история, география, музыка), которая преподавалась отдельно» [10, 299–300]. Очевидно, что эти мероприятия были реализованы исключительно под внешним давлением, равно как и функционирование Боснии и Герцеговины в качестве единого государства обусловлено участием внешних акторов в лице миротворческих сил НАТО и сил ЕС, Верховного Представителя. Следует согласиться с Е. Пономаревой в том, что Босния и Герцеговина является «протекторатом», где значимую роль играют неограниченные полномочия институтов внешнего управления [5].

Языковая преференциальная политика в Боснии и Герцеговине едва ли носит прагматический характер в том смысле, что является направленной на поддержание контактов в сообществе. Скорее, она является символическим

инструментом поддержания баланса притязаний хорватов, сербов и бошняков на политическую субъектность. При этом бошняки стремятся изменить баланс, предлагая в качестве нациеобразующего глоттоним «боснийский» и апеллируя к положениям Дейтонского соглашения и «Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств». Для сербов и хорватов право называть свои языки в соответствии со своими этнонимами оказывается не менее значимым, поскольку символизирует их право на автономию. И в этом они также апеллируют к «Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств». Восприятие этнолингвистическими группами статуса родного языка и возможности его свободно использовать в управлении, публично-правовой сфере, в области образования и досуга, а также в частной жизни преимущественно как символа автономии и субъектности группы, символа её политического веса приводит к усилению пространственной сегрегированности этноязыковых сообществ и начинает играть роль, блокирующую территориальную целостность и интегрированность политики. Пример Боснии и Герцеговины хорошо иллюстрирует тезис о том, что политизация языка в условиях распада и административно-территориальной сборки политики усиливается символической по своим целям языковой преференциальной политикой, которая формирует «языковой режим разъединения».

Справедливости ради следует отметить, что с точки зрения повседневных практик коммуникаций членами этноязыковых сообществ (общин) в Боснии и Герцеговине друг с другом препятствий лингвистического толка для понимания друг друга нет, поскольку языковое различие номинально. Но именно в этой номинальности, как имеющей символическое значение, и проявляется фракционализация общества. Здесь речь идет не столько о языке как средстве коммуникации, сколько как о символе и связанных с ним носителях символики – истории этнической группы, её литературе и героях, поэтах и писателях, составителях словарей – символических создателях и хранителях языка. Представить себе постепенную дифференциацию этих языков друг от друга можно. Для этого достаточно принять политическое решение, например, об изменении правил использования букв¹. Будут ли принимать такое решение политические лидеры и элиты трех энтитетов – вопрос их политических интенций и логики развертывания политической борьбы, на кону которой стоит целостность страны.

¹ Здесь показателен как пример Черногории (введение в алфавит двух букв, что дифференцировало черногорский язык от сербского), так и реформа орфографии в русском языке (1918 г.) после революции 1917.

Библиографический список

1. Гуськова Е. Албанское сепаратистское движение в Косове / Албанский фактор кризиса на Балканах: Сб. науч. трудов и статей. Сер. "Проблемы глобальной и региональной безопасности". М., 2002. [*Gus'kova E. The Albanian secessionist movement in Kosovo / The Albanian factor in the Crisis on the Balkans. Collection of Papers and Articles. "Problems of global and regional security."* Moscow, 2002].
2. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / пер. Макаренко Б. М., 1997. [*Lijphart A. Democracy in Plural Societies. A Comparative Exploration / translated by Makarnko B. M., 1997*].
3. Митин Г. Выборы с отложенным результатом: конституционный кризис в Боснии и Герцеговине 2011 г. // Журнал о выборах. 2012. № 2. [*Mitin G. Elections with Pending Result: Constitutional Crisis in Bosnia and Herzegovina, 2011 // Journal of Elections. 2012. №2*].
4. Невекловский Г., Кречмер А. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский, черногорский языки) / Языки мира. Москва, 2005. [*Neweklowsky G., Kretschmer, A. Serbo-Croatian Language (Serbian, Croatian, Bosnian, Montenegrin Languages) / Languages of the World. Moscow, 2005*].
5. Пономарева Е. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №1(16). С. 64–76. [*Ponomareva E. Bosnia and Herzegovina: a State without a Statehood // Vestnik of MGIMO-University. 2011. 1 (16). P. 64–76*].
6. Потоцкая Т. Геополитические конфликты в Европе // Агентство Интеграционных инициатив. URL: http://np-aaii.ru/files/potockaya_-_konflikty_v_evrope.pdf (дата обращения: 15.05.2017). [*Pototskaya T. Geopolitical Conflicts in Europe // Agency Integration Initiatives. – Available at: http://np-aaii.ru/files/potockaya_-_konflikty_v_evrope.pdf (accessed: 15.05.2017)*].
7. Соколова Е. Босния и Герцеговина: опыт несuverенной демократии // Неприкосновенный запас. 2007. №6(56). [*Sokolova E. Bosnia and Herzegovina: the Experience of Non-sovereign Democracy // NZ. 2007. №6(56)*].
8. Тошович Б. Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков. Москва: Языки славянской культуры, 2011. Т.1. Часть 1: Фонетика – Филология – Просодия. [*Toshovich B. A Correlation Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2011. Vol. 1. Part 1: Phonetics – Linguistics – Prosody*].
9. Тошович Б. Особенности боснийского/бошняцкого языка по отношению к сербскому и хорватскому. [*Toshovich B. Features Bosnian in Relation to Serbian and Croatian // Slavia Islamica: Language, Religion and Identity / Ed.*

- Greenberg R., Nomachi M. Sapporo: Slavic Research Center – Hokkaido University, 2012].
10. *Энгельгардт Г.* Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... д.и.н. по спец. 07.00.03 – всеобщая история (новое и новейшее время). М., 2015. [*Engelhardt G.* Republika Srpska in Bosnia and Herzegovina. The Origin and Evolution (1990–2006)]. Thesis on Doctor of History Academic Degree. 07.00.03 – World History (Modern and Contemporary Times). Moscow, 2015].
 11. *Ян Э.* Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории / перев. Елизарьевой М. Варачевой Т., Дубиной В. М., 2014. [*Ian E.* Controversial Political Issues through the Modern History / translated by: Elizarieva M., Varacheva T., Dubina. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014].
 12. *Alexander N.* Language Policy and National Unity in South Africa/Azania. Cape Town: Buchu, 1989.
 13. *Brubaker Rogers* Language, Religion and the Politics of Difference // Nations and Nationalism. 2013. №19. P. 1–20.
 14. *Busch B.* Linguistic Rights and Language Policy: A South–North Dialogue // Education As Change. July 2013. №2. Vol. 17. P. 209–218.
 15. *Cardinal L.* Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration? // Working Paper. Helsinki: RECODE, February 2012. №2.
 16. *Cardinal L., Sonntag S.* State Traditions and Language Regimes: A Historical Institutionalism Approach to Language Policy // European and regional Studies. 2015. №8. P. 5–21.
 17. *Carla A.* Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano // Ethnopolitics. 2007. №2. Vol. 6. P. 285–313.
 18. *Delarue S., De Caluwe J.* Eliminating Social Inequality by Reinforcing Standard Language Ideology? Language Policy for Dutch in Flemish Schools. // Current Issues in Language Planning. 2015. №1-2. Vol. 16. P. 8–25.
 19. *Frank M.* State Tradition and Language Regime in Latvia. Paper was presented at an International conference «The Politics of Multilingualism: Possibilities and Challenges» (22-24 May 2017, the Amsterdam School for Transnational, Regional and European Studies of the Faculty of Humanities of the Universiteit van Amsterdam).
 20. *Gazzola M.* Is the European Commission’s de Facto Language Regime Effective? An Empirical Assessment // The 24th World Congress of Political Science, RC50 The Politics of Language / Language Regimes: Case Studies and Theoretical Understandings. Poznań, 2016. P. 1–27.
 21. General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina / UN. Conventions and Agreements. 21.11.1995. Available at:

- http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_yugoslavia.shtml (accessed: 11.12.2015).
22. *Kivimäki T., Kramer M., Pasch Pa.* The Dynamics of Conflict in the Multi-ethnic State of Bosnia and Herzegovina. Sarajevo, 2012.
 23. *Kymlicka W.* Politics in the Vernacular. Oxford: Oxford University Press, 2001.
 24. Official Site of the Office of the High Representative. Available at: <http://www.ohr.int/?lang=en> (accessed: 2.09.2015).
 25. *Pašalić-Kreso A.* The War and Post-War Impact on the Educational System of Bosnia and Herzegovina // International Review of Education. 2009. №1-2. Vol. 55. P. 67–88.
 26. *Patten A.* Political Theory and Language Policy // Political Theory. 2001. №5. Vol. 29. P. 691–715.
 27. *Schiffman H.* Linguistic Culture and Language Policy. Taylor & Francis e-Library, 2002.
 28. *Škiljan D.* Govor Nacije: Jezik, Nacija, Hrvati. Zagreb: Golden Marketing, 2002.
 29. *Spasovski M., Živković D., Stepić M.* The Ethnic Structure of the Population in Bosnia and Herzegovina // The Serbian Questions in The Balkans. Belgrade: University of Belgrade, Faculty of Geography, 1995
 30. *Spolsky B.* Language Policy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
 31. *Szerbhorvath G.* Language Politics and Language Rights on the Territory of Former Yugoslavia the Today's Serbia/Vojvodina // European and Regional Studies. 2015. №8.
 32. *Williams C.* Language Policy and Planning Issues in Multicultural Societies. // Understanding the Que'bec Question / ed. by Larrive'e P. Basingstoke: Palgrave, 2003.
 33. *Williams C.* Perfidious Hope: The Legislative Turn // Regional and Federal Studies. 2013. №1. Vol. 23. P. 101–122.

«PARTING LANGUAGE REGIME» AND THE BALANCE IN INTERETHNIC RELATIONS IN BOSNIA AND HERZEGOVINA

N.V. Borisova

Cand. Sci. (Political Science), Professor, the Political Science Department of Perm State University

Both the balance in interethnic relations and the state territorial integrity in ethnic federation need special political and institutional decisions that include shared rule, self-rule and preferential policies. Preferential policy ensures special rights and guarantees for federation entity, and for titular and non-titular ethnic groups in it. Language preferential policy is one in a number of various preferential policies. In accordance to aims of research, I detect the conditions for language preferential

policy institutionalization and implementation, and figure out the links between the demand for such policy and practice of minority language usage in community through the context of political and institutional provision of the balance in inter-ethnic relations and the state territorial integrity. For this purposes I suggest the concept of language regime and case study of Bosnia and Herzegovina. The collapse of Yugoslavia and processes of political and institutional setting-up of Bosnia and Herzegovina conditioned the politicization of languages in it. The scope, complexity, character of language preferential policy and its institutionalization depend on structural factors and historical and political context of struggle for language and policy decision-making that have political and symbolic importance for maintaining the balance in interethnic relations. The research makes it clear that language preferential policy in Bosnia and Herzegovina is a symbolic instrument for balance between claims of Croats, Serbs and Bosniaks to political subjectivity. Symbolic preferential policy strengthens the politicization of language and frames a parting language regime in the disintegrated state.

Keywords: language preferential policy; parting language regime; ethnic federation; Bosnia and Herzegovina.